

новлению молодых писателей: А. Алексина, М. Алексеева, А. Абдуллина, А. Лиханова и др. Все значимые явления лит-ры для юношества 1970-х она не оставляла незамеченными, пропагандируя их как рецензент в ж. «Лит. Россия», «Молодая гвардия», «Вопр. лит-ры», «Детская лит-ра», «Юность», «Москва». Последние годы П. стали временем переосмысления прожитого: «Некоторые мои „идеалы“ рухнули: Калинин, Лепешинская, Фотиева... Какое семидесятилетие прошло, хотя судьба меня миловала — ни лагерей, ни репрессий. Но страшно и горько, что поругана вера, и глупо, что так наивна эта вера была!» (Дневник, 23.6.1987).

Соч.: СС: в 3 т. М., 1973–75; Сиреневые облака // Совр. драматургия. 1962. № 26; Три невыдуманных рассказа: очерки. М., 1965; Осень // Новый мир. 1977. № 1; Немного о себе. Вслух про себя. М., 1978; Зеленая ветка мая. Третья Варя. М., 1978; Всего несколько дней. М., 1980; В доме Ульяновых. М., 1987; На Гранрю. М., 1987; Маняша. М., 1988; Детство и юность Володи Ульянова. М., 1989.

Лит.: Фоменко Л. Мария Прилежаева. Очерк творчества. М., 1971; Баруздин С. Заметки о детской лит-ре. М., 1975; Разумневич В. Всем детям ровесники. М., 1980; Трубина Л. А. Прилежаева Мария Павловна // Русские детские писатели XX в.: Библиографический словарь. М., 1997. С. 350–353.

Е. К. Демиховская

ПРИМЕРОВ Борис Терентьевич [1.7.1937, ст. Матвеево-Курганская Ростовской обл. — 5.5.1995, Москва] — поэт.

Мать П. — из украинской казачьей знати, росла сиротой. Отец учился в кадетском корпусе, стал боевым офицером Красной Армии, но позже, узнав о раскулаченных родителях, его исключили из партии и уволили из армии. В годы Великой Отечественной войны отец П. был на фронте. После войны семья переехала в крупную задонскую ст. Мечетинскую, где отец устроился работать в колхоз. В семье росло четверо детей. Увлечения отца — охота и рыбалка — и природная музыкальность матери, по мнению П., определили его будущие поэтические интересы.

Стихи и «истории» П., по свидетельству матери, сочинял сызмала, «разговаривая» с травами и птицами и слыша их «голоса». Первые публикации и книга («**Синевой разбуженное слово**») вышли на родине, в Ростове-на-Дону. Главная тема определилась сразу и навсегда — «алфавитом» поэтического мировидения стали образы родной донской природы: «Пройдусь по ветрам

и тропинкам, / Войду в вечера, в ковыли / И всем расскажу без запинки / Всю заповедь здешней земли» («**Пройдусь по ветрам и тропинкам...**», 1966). Сравним: «Как об острое железо, / О степное бытие / Я до памяти изрезал / Сердце чуткое свое» («**Судьба**»).

В середине 1960-х П. приехал в Москву поступать в Лит. ин-т, но, выдержав творческий конкурс, не прошел собеседования, так как его тогдашние лит. кумиры не понравились комиссии. Поступил со второго раза, учился вместе с А. Передревым и Н. Рубцовым, позже тепло вспоминал о дружбе с последним. Окончил Лит. ин-т в 1970. Членом СП стал в 1968. Лучшей своей книгой считал «**Некошенный дождь**» (М., 1967), которую редактировал В. Соколов.

Сам П. вел свою поэтическую родословную, причисляя себя к «тихим лирикам» — лит. поколению 1960-х, которое составляли близкие ему Анатолий Передрев, Алексей Еранцев, Алексей Прасолов. Еще до деревенской прозы оно, по его мнению, обозначило болевые точки времени. Но в общую характеристику этой плеяды как «детей околлицы» он вкладывал и глубоко личные, покаянные интонации («говорю о деревне, / А приехал в Москву»): «Мы сами потеряли крестьянские права, а потом оплакивали их». В ранней поэзии П. эта общая тема получала индивидуальный разворот, поэт ради публицистичности старался не поступаться лиризмом: «Вышел месяц под деревья / Из-за старенькой реки. / Поздоровался с деревней / И не подал мне руки» («**Ах, зачем я так ограблен...**», 1965); «В такую же безлунность / У поля без стыда / Всю молодость, всю юность / Украли города. <...> Во мне убила скорость / Пространство и простор».

«Неумную образность», «густую метафоричность» справедливо стали считать отличительной стилиевой приметой поэзии П., которую он постоянно развивал. Весь мир был для него «завернут в метафоры» (В. Цыбин). Один и тот же образ появлялся у него несколько раз, но не повторялся: «Будет ржаньем неторопливым / До утра, / Закусив удила, / Вороня луна над обрывом / Оглашать / Сонный берег села» («**Вот и ночь небеса повернула...**», 1966) «В молве тишины, / Предрассветные окна / Нахотлившись совами, смотрят...» («**Густая гармошка**», 1966); «раскосые окна прослезились» и «машет крыльцо рукавом» («**Август**», 1969). Сам П. считал себя в этом учеником Павла Васильева и прозы Шолохова (ее «са-

Б. Т. Примеров

мобитно-яростного языка и захватывающе-стремительного ритма»).

В 1970-е у П. один за другим выходят поэтические сб. «**Поющее лето**», «**Румянец года**», «**Весенний гость**», «**Талая заря**». В них получает свое развитие романтическая тенденция поэзии П., которую сам поэт обозначил метафорически: «„По полету шмеля“ пошел я в первой половине жизни, ориентируясь во времени и пространстве». Продолжает свой диалог П. и с близкой ему лит. традицией, песенные, кольцовские, есенинские вариации узнаются в мотивах и образах его стих.: «Пыльно, матушка, во поле, / пыльно, родная, / Истомилось, умаялось солнце вконец»; «Окати меня / Алым зноем губ, Али я тебе / Да совсем не люб?»

В эти же годы П. предпринимал и опыты поэтических переложений памятников древнерусской словесности, бережно стилизуя поэтическую речь: «Ой, черна земля родная / Под копытами комоней, / И засеяно широко / Поле белыми костями» (поэма «**Задонщина**»).

В поэзии 1980-х появляются новые черты — философская вдумчивость и углубленность: «Кто нюхал степь, вдыхал поля, / Подошвами пыля, / Тот без труда найдет шмеля, / И даже след шмеля» («**След шмеля**»). Но поэт не поступает излюбленной образностью («высматривает незабудки / Глазами

памяти — душа <...> По их далекому цветению лицо разлуки узнаю», («**Незабудки**»), наоборот, развивает зоркость поэтического взгляда, вкладывая обобщенный смысл в казалось бы случайные зарисовки. «Сон все живое долу клонит, / Но веселит докучный вид / Сын засухи — пустынный донник, / Он, словно солнышко, парит. / Как он необозримо звонок — / Цветок, растущий на парах <...> Собрал он в пазушные кисти / Свои целебные цветы» («**Донник**»).

Чуть ли не в философские притчи превращаются его с виду простые пейзажные зарисовки: «Тянет лето пыльные дороги, / По бокам его — полынный след. <...> Подалась в метелку вся суданка, / Выбросился в колос весь пырей. / Отобью серебряную косу / И войду в вечерние луга / Собирать подарки сенокоса — / Светлый ситец, темные шелка» («**Вечерние луга**», 1978). Недаром этот образ «вечерних лугов» П. позже вынесет и в название одной из лучших книг своей лирики (М., 1983). Именно в такого рода стихах П. явственнее всего звучал его «личный космос» (В. Цыбин).

Во второй половине жизни, по признанию П., его первую любовь (к природе) начали оспаривать книги. Библиофильство стало для него серьезным делом, он смог собрать множество редких книг по философии, истории России.

В последние годы жизни П. бедствовал, разделяя судьбу своего поколения, не сумевшего вписаться в «рыночные» отношения и не принимающего их: «Ворона чахлая маячит / Перед забрызганным окном. / А сердце вместе с далью плачет, / Да, вместе с далью об одном».

Соч.: Синевой разбуженное слово. Ростов н/Д., 1964; Некошенный дождь. М., 1967; Поющее лето. М., 1970; Румянец года. М., 1971; Весенний гость. М., 1972; Наедине с родимым небом. М., 1972; Талая заря. М., 1974; Вечерние луга. М., 1983; После разлуки. М., 1983; След шмеля. Ростов н/Д., 1988; Избранное. М., 1989.

Лит.: Цыбин В. Судьбы русских поэтов: Борис Примеров // Молодая гвардия. 1997. № 1. С. 216–225; Михайлов О. Блаженный // Лит. Россия. 1998. № 29.

К. И. Шарафадина

ПРИСМАНОВА (настоящая фамилия Присман) Анна Семеновна [25.8(6.9).1892, Либава — 4.11.1960, Тьер, близ Парижа] — поэтесса.

Принадлежит ко второму поколению первой волны эмиграции. Родилась в семье врача-дерматолога, специалиста по проказе. Детство и юность провела в Либаве (Лиепая)